

Новая нормативность и репродуктивный выбор: попытка осмысления

Светлана А. Бронфман¹

¹ *Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, 119991, Россия*

Получено 20 September 2020 ♦ Принято в печать 28 October 2020 ♦ Опубликовано 31 December 2020

Цитирование: Bronfman SA (2020) New normativity and reproductive choice: an attempt at comprehension. Population and Economics 4(4): 74–83. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e58814>

Аннотация

В статье обсуждаются два «особых типа» репродуктивного выбора — борьба с инфертильностью с помощью вспомогательных репродуктивных технологий и добровольная бездетность. Особое внимание уделено феномену добровольной бездетности. Опираясь в своих рассуждениях на данные опросов общественного мнения, реконструкцию исторических реалий второй половины XX века, исследования нормогенеза, новые психодинамические теории трансгенерационной передачи травматического опыта и философские идеи интенциональности принятия и гостеприимства, автор анализирует сложившиеся репродуктивные практики в их связи с прокреативными нормами. Причины все более широкого распространения добровольной бездетности, по мнению автора статьи, в немалой степени связаны с трансгенерационной передачей опыта насилия. Гипотеза автора, основанная на психодинамических представлениях о трансгенерационной травме и перверсном материнском отношении, состоит в том, что распространение феномена добровольной бездетности у поколения 1990-х гг. может быть вызвано невозможностью гостеприимства, принятия и уязвимости в связи с провалом контейнирующей материнской функции и отсутствием интроектов любящих и направляющих родительских фигур («пустым суперэго»). Так новая «бесформенная» нормативность, создавая иллюзию «свободы быть собой», может оказаться проекцией расколотого, безжизненного и пустого коллективного бессознательного суперэго, порожденного культурой насилия и требующего нравственного наполнения, которое оказалось упраздненным.

Ключевые слова

вспомогательные репродуктивные технологии; гостеприимство; добровольная бездетность; перверсное материнство; нормогенез; прокреация; репродуктивный выбор; трансгенерационная травма; трансфер межпоколенческого опыта и знания

Коды JEL: I10, J13

Социально-демографический процесс, который получил название «второй демографический переход», поднимает не только проблему реализации индивидуальных репродуктивных возможностей, но и придает особый «драйв» вопросам репродуктивного выбора.

Под вторым демографическим переходом понимают фундаментальные сдвиги в жизненном цикле современного человека. Считается, что это связано с резким уменьшением контроля государства над прокреативными процессами [Клупт, 2015], что привело к драматическим изменениям самих основ брачно-семейного планирования: свободе выбора партнера (для брака, совместного проживания или иных вариантов партнерства) и репродуктивного выбора. Это косвенно указывает на возросшие возможности каждого человека управлять своей индивидуальной демографической судьбой [Захаров, 2012].

В свою очередь, снижение контроля государством индивидуального выбора (в том числе репродуктивного) может свидетельствовать о решительном изменении в том, что называется «институциональными матрицами» [Александров, Кирдина, 2012]. X-матрица, доминирующая в России, странах Азии и Латинской Америки, подразумевающая приоритет коллективных интересов над индивидуальными и централизацию управления и перераспределения ресурсов, в корне отличается от Y-матрицы, доминирующей в странах Европы и Северной Америки, которая основана на приоритете «Я» над «Мы»; ее сущность — примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообщества, коллектива.

Следствием второго демографического перехода и курса на смену доминирующей институциональной матрицы стало не только снижение рождаемости, но и изменение важных параметров репродуктивного поведения, которое может быть названо «новым репродуктивным выбором».

Фундаментальной характеристикой репродуктивных установок (репродуктивного выбора) является вопрос о желаемом числе детей, подразумевающий устремление к определенному числу детей у данного индивида в идеальных условиях.

Для исследователей большой интерес представляют два особых и, на первый взгляд, далеко отстоящих друг от друга феномена «нового репродуктивного выбора» — отчаянная борьба с субфертильностью (инфертильностью) с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) и добровольная бездетность.

Не имевшие возможности иметь собственного ребенка еще менее полувека назад (а на самом деле технологическая помощь в репродукции доступна лишь около лет 25) оставались наедине со своей болью; мы мало знаем о судьбах тех (чаще всего, женщин), кто «очень сильно хотел» [Исупова, 2011], но так и не смог завести детей. Сейчас, вопреки настороженному и зачастую пренебрежительному отношению большей части социума, желание стать генетическими родителями в части случаев (однако далеко не во всех) может быть осуществлено благодаря развитию ВРТ.

Более того, на ВРТ во времена фундаментальных трансформаций второго демографического перехода и, как следствие, снижения рождаемости и депопуляции, нередко возлагаются большие надежды. Однако доля ВРТ-рождений в России не превышает 0,5% при максимально возможных сегодня 5% (Дания) [Русанова, 2011], и этот показатель вряд ли будет расти: вспомогательные репродуктивные технологии, обычно требующие от пары огромных эмоциональных, временных и нередко материальных затрат (намного больших от женщины — даже в случае мужского фактора бесплодия), подразумевают и «слишком сильное хотение» [Исупова, 2011]. Удивительным образом новая нормативность, отличающаяся размытостью, граничащей с аномией в вопросах репродукции и гендера в том, что касается очень сильного желания генетически родного ребенка (мы сейчас осознанно опускаем более сложные и редкие коллизии, связанные с донацией яйцеклеток, сперматозоидов или эмбрионов), проявляет несвойствен-

ный ей консерватизм, уповая на «гуманизм в отношении брошенных детей», то есть предлагая усыновление вместо борьбы за рождение.

Создается впечатление, что гораздо большее влияние на рождаемость, чем развитие и доступность репродуктивных технологий, имеет феномен добровольной бездетности. Известные демографы говорят о снижении потребности в детях [Антонов, 2009; Борисов, 2009] и необходимости «формирования социально-психологической потребности в третьем и четвертом ребенке» [Антонов, 2009], но, похоже, приходит время, когда рождение хотя бы одного ребенка у большей части из тех, кто сегодня вступает в период расцвета репродуктивного потенциала, станет большим достижением. Так, из поколения рожденных в 1990-е гг., по результатам исследований, не менее 15% не будут иметь ни одного ребенка [Захаров, 2012]. Последний опрос Левада-Центра о желаемом и ожидаемом числе детей среди населения репродуктивного возраста показал, что 9 респондентов выбрали бездетность (по данным ФОМ 2008 г. — 4%, однако отметим, что в этом опросе еще не принимали участие рожденные в 1990-е) [Ломакин, 2019; Исупова, 2010; Вовк, 2008; Желаемое и ожидаемое..., 2019]. В целом, судя по результатам опросов общественного мнения, сегодня в нашей стране (и во многих других европейских странах, а также в США и Канаде) добровольная бездетность на уровне ценностей признается легитимным (нормативным) репродуктивным выбором.

В связи с этим автор считает необходимым сделать краткий обзор представлений о формировании норм в социуме, для того чтобы лучше понимать природу новой нормативности.

Процесс формирования моральных норм принято называть нормализацией. Понятие «нормализация» можно рассматривать как категорию, сопряженную по смыслу с понятиями «социализация», «моральный прогресс», «нормогенез». Установлению того, что следует считать допустимым в социальной практике и что станет в будущем социальной нормой (поведенческой, коммуникативной, правовой), предшествует процесс нормализации, то есть переведения моральной оценки в статус оформленной нормы. Можно говорить об уровнях нормативности, на которые разведены противоположащие друг другу нормализация и норма: нормализация — нормативация — норма [Сандакова, 2015].

Трансформация норм подчинена закономерному социокультурному порядку возникновения, адаптации и признания нового и начинается с анализа существующего нормативного порядка, который можно назвать нормализацией. Нормативация — дискурсивное проживание вариантов нормального, то есть проговаривание и закрепление в языке: понятие или идея, получая имя и постепенно становясь все менее «чужим», все более принятым, «своим», перестает вызывать отторжение. Завершается этот процесс оформлением и закреплением нормы в соответствующем институциональном порядке.

Поскольку прокреативные нормы — это разновидность культурных норм, они тесно связаны с моральными ценностями, обозначают границы и меру трансформации различных элементов человеческого воспроизводства именно как моральных ценностей [Сидорова, 2007; Сидорова, 2016]. В прокреативном поведении женщины моральные нормы служат основанием для решения о желательности беременности и рождении ребенка.

Необходимо отметить, что принимаемые нормы ориентированы на единство социума и только тогда становятся ими, когда поддержаны его немалой частью. Обращает на себя внимание и то, что новая нормативность склонна поддержать нежелание (иметь детей), однако относится с подозрением к сильному желанию их иметь, не оглядываясь на обстоятельства почти непреодолимой силы. Так, проведенный ФОМ в 2008 г. опрос показал, что только 27% осуждают добровольную бездетность [Вовк, 2008].

История изучения добровольной бездетности, возникновение национальных организаций для «не-родителей» и использование термина «чайлдфри» (что, как справедливо заметил в сво-

ем исследовании И. Ломакин, не одно и то же) берет свое начало в США в 1970-е гг. XX века и получает там достаточно широкое распространение: в выборках материалов исследований 1970–80-х гг. информантов из США — почти 58%, в то время как из стран Европы — всего 19% [Ломакин, 2019], что принято объяснять «попыткой бросить вызов пронаталистскому давлению в американском обществе» [Barnett, 1986]. Однако автор склонен думать, что такое объяснение слишком сильно упрощает ситуацию и скрывает более сложную проблему: «не-стремление» к прокреативности, которая может существовать только с желанием отдавать.

Замечено, что рождение новой нормативности в вопросах гендера и репродуктивного выбора, отстаивание права на добровольную бездетность и «текучесть гендерного выбора» зарождались в США именно в то время, когда дети переживших Шоа и бежавших из охваченной болью послевоенной Европы в США и страны Южной Америки вышли на арену взрослой жизни, привнося в социум и постепенно все больше отвоёвывая право на признание нормальным существование пробела в том, что именуется страстностью, желанием быть с Другим, давать жизнь, и провозглашением примата рациональности. Г. Кристал, проводя в этот же период времени многолетнее исследование патологии аффектов у потомков жертв Холокоста, отмечал ограниченную способность таких субъектов играть защищающую, одобряющую и направляющую родительскую роль по отношению к самим себе [и своим детям]; младенцы таких матерей терпят катастрофическую неудачу в том, что именуется «контейнирующей функцией матери», позволяющей избежать травматического затопления аффективными переживаниями [Кристал, 2016; Бион, 2008; МакДугалл, 2002].

Самая ранняя внешняя реальность для младенца — это, конечно, физическое присутствие матери, но, прежде всего, мощное воздействие материнского бессознательного, сотканного из ее собственного опыта младенчества; провал опыта младенческого счастья вызывает нарушения психического функционирования, вовсе не обязательно проявляющееся психическим заболеванием, однако почти всегда повреждающее способность к эмпатии и чувству «полноты бытия». Негативный опыт контакта с материнским телом не может в дальнейшем не отразиться на фантазиях и желании зарождения жизни в собственном теле, представлении о гостеприимстве [Аристархова, 2017], восприимчивости и заботе [Левинас, 2000]. Если девочка приносит телесное удовлетворение своей матери и получает его от нее, то она интроецирует опыт ощущения довольства жизнью, в противном случае опыт желания и удовлетворения остается для нее недоступным [Пайнз, 1997].

Кроме того, удовлетворяющие отношения с родительскими фигурами позволяют сформировать представления о «нормальном» и «заполнить» суперэго интроектами ранних объектов, заботливых, направляющих и имеющих фантазии относительно будущей самостоятельной жизни ребенка («дита желания», по МакДугалл). Однако те, чья свобода выбора была резко ограничена в результате какой-либо катастрофы (войны, гонения, геноцида, проживания в условиях фашистских или диктаторских режимов и пр.) склонны посылать сигналы (чаще всего, не вполне осознанно) своим детям о том, что они должны прожить ту жизнь, которой у них (родителей) никогда не было, то есть жить вместо них [Kellermann, 2001; Bergmann, 1987].

Н. Мак-Вильямс пишет: «Сообщение о том, что “в отличие от меня, ты можешь иметь все”, является особенно деструктивным, так как никто не может иметь все; каждое поколение будет сталкиваться со своими собственными ограничениями; интроект столь нереалистической цели калечит чувство самоуважения» [Мак-Вильямс, 1998, стр. 231]. Любопытно, что такая же мысль высказана В. Радаевым о родителях миллениалов и последствиях такой риторики для российских «детей 1990-х» [Радаев, 2020].

Известно, что дети травмированных родителей вырастают со спутанной идентичностью (не вполне точно знают, кто они такие) и ощущением смутного стыда. Г. Кристал также отме-

чал, что у таких взрослых столь же выражена неспособность желать и переживать удовлетворение и удовольствие, которые он назвал «аффектами благополучия», а невозможность их переживать давно известна профессионалам в области психического здоровья как ангедония [Кристалл, 2016]. Следствие ангедонии — всепоглощающая зависть к Другому, который, как кажется, может испытывать сильные чувства, желать и получать удовольствие; такие субъекты опасаются оказаться «использованными»; все связанное с «отдавать» сопряжено у них с ощущением «вероломного ограбления»; для таких женщин идея прокреативности представляет угрозу их нарциссической хрупкости.

Приблизительно в это же время (1960–70-е годы XX века) специалисты в области психического здоровья стали отмечать резкое увеличение особого типа пациентов, которые предъявляли жалобы на внутреннюю пустоту, лишённых чувства «внутреннего направления» и надежных ориентирующих ценностей; они обращались к психотерапевтам и психологам, чтобы обрести смысл жизни [Мак-Вильямс, 1998]. Психоаналитики описывали таких пациентов как тех, кто, несмотря на внешнюю самоуверенность, напор и желание выглядеть успешным, обнаруживали при более близком общении (в контакте с психоаналитиком) постоянный поиск подтверждения собственной нужности и отличались крайней неустойчивостью самоуважения [Мак-Вильямс, 1998; МакДугалл, 2002]. Такие пациенты, число которых растёт с каждым последующим десятилетием, испытывают то, что можно назвать «тревогой несоответствия»; они без конца озабочены тем, чтобы не оказаться «обычным, средним», они должны быть «особенными» [Пайнз, 2005].

Многие исследователи личности и социальных процессов также отмечают у таких субъектов и то, что названо В. Радаевым «бременем выбора» [Радаев, 2020]. Выбор всегда подразумевает потерю других возможностей, но для тех, кто и так чувствует себя потерянным и, главное, пустым, любая потеря невыносима и, как следствие, выбор (в том числе и сознательный репродуктивный выбор, и выбор партнера) становится серьёзной проблемой, почти невыполнимой задачей, особенно в том, что касается «выбора навсегда» — супруга, ребенка и даже гендера. Возможно, в этом кроется феномен «размытой» нормативности, легко позволяющей (в фантазии) все изменить в любой момент, подпитывая защитное всемогущество.

Не останавливаясь в данной статье на психодинамических взглядах на природу «очень сильного желания», хотелось бы отметить два важных, на наш взгляд, момента. Современные психоаналитические теории стараются не апеллировать к идее болезни (симптома) как к «голосу тела», поскольку видят в этом слишком сильное упрощение и «уплощение» чрезвычайно сложной взаимосвязи психики и сомы. Но психоаналитики последние 50 лет бьют тревогу по поводу того, что в разных ипостасях проявляет себя как «не-эмоциональность»: достигнув роботоподобной адаптации к требованиям внешней реальности, эти люди не испытывают равным счетом никаких чувств и нередко обращаются за психологической помощью, осознав однажды, обычно внезапно, себя лишними. Именно таких пациентов Дж. МакДугалл назвала «нормопатами»; они обыкновенно не предъявляют никаких жалоб, кроме смутного чувства несостоятельности в чем-то очень понятном и аутентичном для тех, кто их окружает [МакДугалл, 2002]. Психодинамические теории говорят об этом как о провале альфа-функции матери, абсолютно необходимой для того, чтобы аффективные бури раннего младенчества не вызывали аннигиляционных тревог [Бион, 2008]. Нормопатические (вследствие травматического опыта не выполняющие такой функции для своего ребенка) матери, о которых идет речь, обычно «чересчур хорошие» и сверхзаботливые в простом повседневном уходе, но полностью глухи к тому, что можно назвать «эмоциональным состоянием» ребенка. В этой связи хочется вспомнить феномен «интенсивного материнства» [Исупова, 2018], производящий впечатление тревожного «действия» вместо любви. Д. Винникотт пишет по этому поводу: «Научиться

материнству невозможно, и тревога не может служить заменой очень простой любви почти физического свойства» [Винникотт, 2007, стр. 17].

Все сказанное выше относится, прежде всего, к тому, что в специальной литературе называется трансгенерационной передачей травматического опыта, но автору кажется более уместным назвать это явление межпоколенческим трансфером травматического знания и, прежде всего, трансфером травматического опыта, обычно бессознательным внутрисемейным межпоколенческим взаимодействием. Один из основателей контекстуальной семейной терапии, И. Бузормени-Надь, ввел четыре измерения человеческих отношений – фактическое, индивидуально-психологическое, поведенческое и этическое [Boszormenyi-Nagy, Spark, 1973]. Именно этическое измерение является самым важным, поскольку подразумевает доверие, справедливость, верность и право (внутри семейной системы). Таким образом, отношения в семье определяются экзистенциальной этической динамикой [Франке, 2010], которая приводит к повторению определенных паттернов в отношениях, в результате чего субъект носит в себе элементы бессознательного Другого (обычно родителей). «Культура насилия», до сих пор главенствующая в идеологиях постсоветского пространства, приводит к размыванию границ между поколениями, переплетению отношений и бессознательной идентификации с переживаниями предков [Faimberg, 2005; Hirsch, 2012; Ханелия, 2019], тому, что известно как «постпамять».

Одной из основных причин девиантного материнства, вернее, фактора, который получил название «потенциальная материнская девиация» [Малькова, Жедунова, 2011], или перверсное материнство [Уэлдон, 2016], является неблагоприятный коммуникативный младенческий опыт (с матерью). По мнению А. Адельман [Adelman, 1995], травматические воспоминания приводят к изменениям «я», что и обуславливает в дальнейшем трансгенерационную передачу травматического опыта. Одной из основополагающих причин такой передачи, кроме прочего, могла быть отмена принципа причинности (ведь события, происходящие вокруг, не могли быть поняты даже взрослыми, пережившими такой опыт, а тем более ребенком, которого старались уберечь от «лишнего знания», и катастрофические события, чаще всего, так и оставались семейной тайной). Далее, А. Адельман высказывает предположение, что особенности аффективной сферы и сферы репрезентации родителей (матерей) оказывают влияние на способность детей (дочерей) к интеграции травматического опыта. Уровни коммуникации матерей влияют на аффективное функционирование и сферу репрезентации дочерей. Способность дочери выражать свое переживание при помощи вербальных средств, концептуализировать его (функция символизации) находится в прямой зависимости от способности матери выдерживать аффективные состояния дочери. Создается впечатление, что переданный «по наследству» травматический опыт нескольких поколений женщин нашей страны так никогда и не был переработан во внутреннем психическом и, как следствие, во внутрисемейном пространстве. Автор склонен рассматривать добровольную бездетность как особый тип сопротивления материнству, вариант искаженного материнского отношения, связанного с фантазией о контроле над самой жизнью (и собственным бессмертием). Суть перверсии и ее единственное предназначение — изобретение способа выживать после травматического опыта, поиск «временного психического убежища», пока не придет помощь [Уэлдон, 2016; Столлер, 2016; МакДугалл, 2002].

Параметрами, определяющими вероятность перверсного материнства, являются множественные аборты в поколении прародителей, тревожные и депрессивные расстройства в семье, а также переживание опыта насилия у женщин предыдущих поколений. «Абортная культура» [Радзинский, 2011], которую можно назвать неконтрацепцией (при доступности контрацепции) — особый феномен российской ментальности. Вопреки оптимизму некоторых исследователей репродуктивного поведения в отношении снижения числа абортов в РФ в последние

20 лет, множественные аборт (повторяющиеся неоднократно с небольшим промежутком времени и являющиеся сознательным репродуктивным выбором вместо контрацепции) отражают особый тип внутренней психической регуляции, способ справиться с «затопляющей агрессией» [Уэллдон, 2016; Пайнз, 1997; Агарков, 2014].

В этой связи хотелось бы вернуться к концепции гостеприимства, корнями уходящей в кантовское «право каждого чужестранца (*Чужого*) на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом» [Кант, 2002]. И. Аристархова добавляет к этому: «принятие присутствия незнакомца на собственной территории» (мы бы заметили — в своем теле) [Аристархова, 2017]. Гостеприимство, по Левинасу, заключается в *восприимчивости* и *уязвимости*; восприимчивость — это то, чему обучаются через опыт *приглашения, бытия принятым*, который предшествует языковой коммуникации [Левинас, 2000; Аристархова, 2017].

Более 25 лет назад Н. Фрейзер писала по поводу незавершенной / заблокированной революции гендерных отношений, что она остается незавершенной именно потому, что мужчины пока не стали тем, кем являются сегодня большинство женщин, а именно, «работниками и поставщиками заботы» [Fraser, 1994]. Однако спустя четверть века создается впечатление, что именно забота, принятие и гостеприимство стали жертвами борьбы за «Я», как если бы «Я» прежде всего нуждалось в особой заботе о себе.

Возвращаясь к теме добровольной бездетности, хотелось бы обратиться к немногочисленным, но весьма подробным и интересным исследованиям этой темы отечественными социологами [Исупова, 2010; Ломакин, 2019; Чернова, 2019], которые оставляют много вопросов как по поводу «добровольности» в решении не иметь детей, так и сомнения по отношению к осознанному или непреднамеренному искажению информации респондентами (что нередко связано с недостатком знаний в вопросах репродуктивного здоровья). Иными словами, нет ли в этой добровольности большой доли невозможности, связанной как с причинами физического свойства (скрываемое от исследователя заболевание или не диагностированное вследствие избегания обращения за медпомощью), так и с социально неодобряемым, а потому обычно тщательно укрываемым страхом непоправимо пострадать, «испортиться» от беременности и родов. Нельзя обойти вниманием и такой важный социальный феномен, как сложности с поиском партнера (пусть даже не для создания семейного союза или совместного проживания, но хотя бы достаточно безопасных и надежных отношений для реализации репродуктивных желаний). Реалии российской демографической ситуации с преобладанием в возрастной группе старше 30 лет женского населения вкупе с патриархальным укладом, мизогинией и «эйджистскими» установками порождают привычный для большинства российских женщин страх одиночества и, как следствие, высокую конкуренцию на рынке брачных знакомств [Шадрина, 2014]. Стыд за провал жизненного проекта «семья», связанный с не востребованностью на «ярмарке невест» или субфертильностью, может также быть причиной значительных искажений в работе с информантами в такой интимной сфере, как женская привлекательность и деторождение.

Определение «чайлдфри» и добровольной бездетности, данное О.Г. Исуповой (люди, состоящие в браке и живущие полноценной сексуальной жизнью, но целенаправленно принимающие меры для того, чтобы у них не рождались дети), очень верно по сути, но не может не вызывать вопросы относительно материала, полученного от информантов. Например, понятие «полноценная сексуальная жизнь» весьма субъективно и обычно «закрыто» для обсуждения; вопрос о том, почему в обследованиях речь идет именно о брачном опыте, который, как известно, тоже понимается по-разному. Работа с информантами не может дать ответа и на вопросы относительно психоэмоциональных аспектов индивидуального опыта, и она не имеет таких целей.

Те, кто называют себя добровольно бездетными, объясняя свой репродуктивный выбор, обычно апеллируют к идеям «перенаселенности планеты», «страху за будущее детей», «экологической катастрофы» или «опасению родить больного ребенка». Мы же задаемся вопросом: нет ли в этой добровольности невозможности гостеприимства, отсутствия опыта бытия принятым, и нет ли в трансфере межпоколенческого женского опыта лакуны, отсутствия того, что Левинас называет опытом Дома, Женского, то есть чувствительного, принимающего и отдающего, оставляющего «воспоминание безмятежности, доставляющей удовольствие уязвимости» [Левинас, 2000]. Напротив, новая нормативность — это нормативность непримиримого конфликта с преобладающей системой (системами управления) [Голышко-Вольфсон, 2009]. Новая «бесформенная» нормативность, создавая иллюзию «свободы быть собой», может оказаться причиной формирования расколотого коллективного бессознательного суперэго, безжизненного и пустого, порожденного культурой насилия и требующего нравственного наполнения, которое оказалось упраздненным [Zuboff, 2019]. Так образуется «порочный круг» аномии поколения растерянных, лишенных интроектов любящих, направляющих родительских фигур, пребывающих в хаосе нормативности и, вероятно, испытывающих острую нужду в ориентирах.

Создается впечатление, что потомки XX века, не только Века толп [Московичи, 2011], но и Века двух мировых войн, Катастрофы и Гулага, находятся в постоянном поиске лидеров мнения. Наука, как известно, не является нормативно нейтральной — хотя бы потому, что создает представления о нормальном. С. Московичи в фундаментальном труде по психологии масс «Век толп» обращает внимание на то, что искусство правления является теперь уже не искусством обольщения, а искусством (или наукой?) коммуникации [Московичи, 2011]. Возможно, роль социальных наук и состоит в трансфере научного знания социуму, что подразумевает не только изучение и описание социальных феноменов, но и формирование авторитетного мнения.

Данная работа задумывалась как начало междисциплинарного взаимодействия, попытка рассмотреть репродуктивный выбор и, в частности, добровольную бездетность, в контексте проблем воспроизводства человека, то есть является по сути пролегоменом, предварительным рассуждением, и требует продолжения. Автор надеется, что она будет способствовать развитию продуктивного социогуманитарного диалога в вопросах прокреативных практик.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм - язык междисциплинарного дискурса»

Список литературы

- Агарков В.А., Бронфман С.А. (2014). Множественные абортс как способ переработки психической боли // Консультативная психология и психотерапия. 2: 191–212.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. (2012). Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 8: 3–12.
- Антонов А.И. (2009). Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход) // Демографические исследования / Под ред. А. И. Антонова. М.: МГУ. С. 68–80.
- Аристархова И. (2017). Гостеприимство матрицы // М: Издательство Ивана Лимбаха. 368 с.
- Бион У.Р. (2008). Научение через опыт переживания // М.: Когито-Центр. 128 с.
- Борисов В.А. (2009). Демографическая ситуация в современной России // Демографические исследования / Под ред. А.И. Антонова. М.: МГУ. С. 81–103.

- Винникотт Д.В. (2007). Маленькие дети и их матери / Пер. с англ. Н.М. Падалко. М.: Независимая фирма «Класс». 80 с.
- Вовк Е. (2008). Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 29.05.2008. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125> (дата обращения: 29.08.2020).
- Гольяно-Вольфсон Д. (2009). Критика современности: аффирмация или отрицание? // Неприкосновенный запас. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/kritika-sovremennosti-affirmaciya-ili-otriczanie.html> (дата обращения: 29.08.2020).
- Желаемое и ожидаемое число детей (2019). // Левада-Центр. 25.11.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej/> (дата обращения: 27.08.2020).
- Захаров С.В. (2012). Какой будет рождаемость в России? // Демоскоп Weekly. 495–496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (дата обращения: 29.08.2020).
- Исупова О.Г. (2010). «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 427–428. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php/> (дата обращения: 29.08.2020).
- Исупова О.Г. (2011). Право хотеть слишком сильно: биотехнологии и репродуктивные желания // Демоскоп Weekly. 453–454. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php> (дата обращения: 29.08.2020).
- Исупова О.Г. (2014). Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. 119: 180–189.
- Кант И. (2002). Антропология с прагматической точки зрения. М.: Наука. 471 с.
- Клупт М.А. (2015). Население и прокреация // Семья в России и Китае: процесс модернизации. СПб.: Нестор-История. С. 15–29.
- Кристалл Г. (2016). Интеграция и самоисцеление. Аффект. Травма. Алекситимия. М.: Институт общегуманитарных исследований. 544 с.
- Левинас Э. (2000). Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.: Университетская книга. 416 с.
- Ломакин И.В. (2019). Чайлдфри, или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 6(154): 394–436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>
- Мак-Вильямс Н. (1998). Психодинамическая диагностика. М.: Независимая фирма «Класс». 480 с.
- МакДугалл Дж. (2002). Театр души. Иллюзия и правда на психодинамической сцене. / Пер. с англ. Е. Замфир. СПб.: Издательство ВЕИП. 307 с.
- Малькова И.Н., Жедунова Л.Г. (2011). Трансляция семейного опыта как фактор формирования материнского отношения // Ярославский педагогический вестник. 2(3): 223–227.
- Московичи С. (2011). Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект. 396 с.
- Пайнз Д. (1997). Бессознательное использование своего тела женщиной / Пер. с англ. Е.И. Замфир. СПб.: ВЕИП и Б.С.К. 195 с.
- Пайнз М. (2005). Стыд как центральный аффект в психологии самости / В кн.: Психодинамический анализ депрессий. СПб.: ВЕИА. 164 с.
- Радаев В.В. (2020). Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом ВШЭ. 224 с.
- Радзинский В.Е. (2011). Акушерская агрессия. М.: ООО «Медиабюро статус презенс». 688 с.
- Русанова Н.Е. (2011). Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 11(1): 69–86.
- Сандакова Л.Б. (2015). Основания интегративного подхода к проблеме нормогенеза в биоэтике // Идеи и идеалы. 4(26): 88–97.

- Сидорова Т.А. (2007). Концепция репрогенетического расколотого родительства М. Кеттнера // Вестник НГУ. Серия: Биология, клиническая медицина. 5(3): 94–97.
- Сидорова Т.А., Сандакова Л.Б., Жичина Е.Ю. (2016). Динамика границ прокреативных норм: из опыта участия в программе ЭКО // Медицинская антропология и биоэтика. 1(11). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=2701 (дата обращения: 29.08.2020).
- Столлер Р. Дж. (2016). Перверсия. Эротическая форма ненависти. Ижевск: Ergo. 220 с.
- Уэллдон Э.В. (2016). Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства. М.: Перо. 204 с.
- Франке У. (2010). Когда я закрываю глаза, я вижу тебя: семейная расстановка в индивидуальной терапии и консультировании: настольная книга для практического применения. М.: Ин-т консультирования. 192 с.
- Ханелия Н.В. (2019). Современные представления о трансгенерационной передаче травмы // Журнал практической психологии и психоанализа (электронный журнал). 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/sovremennye-predstavleniya-o-transgeneracionnoy-peredache-travmy> (дата обращения: 29.08.2020).
- Чернова Ж.В. (2019). Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2(150): 222–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>
- Шадрина А. (2014). Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое литературное обозрение. 230 с.
- Adelman A. (1995). Traumatic Memory and the Intergenerational Transmission of Holocaust Narratives // *Psychoanalytic Study of the Child*. 50(1): 343–367.
- Barnett L. D., MacDonald R.H. (1986). Value Structure of Social Movement Members: A New Perspective on the Voluntarily Childless // *Social Behavior and Personality: an international journal*. 14(2): 149–159. <https://doi.org/10.2224/sbp.1986.14.2.149>
- Bergmann M.S. (1987). *The anatomy of loving: The story of man's quest to know what love is*. New York: Columbia University Press. 302 p.
- Boszormenyi-Nagy L., Spark G.M. (1973). *Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy*. Hagerstown, MD: Medical Dept., Harper&Row. 408 p.
- Faimberg H. (2005). *The telescoping of generations: listening to the narcissistic links between generations*. London: Routledge. 168 p.
- Fraser N. (1994). After the Family Wage: Gender Equity and the Welfare State // *Political Theory*. 22(4): 33–58.
- Hirsch M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. Columbia University Press. 320 p.
- Kellermann N.P. (2001). Transmission of Holocaust trauma — An integrative view // *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*. 64(3): 256–267. <https://doi.org/10.1521/psyc.64.3.256.18464>
- Zuboff S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Public Affairs. 704 p.

Сведения об авторе

- Бронфман Светлана Ароновна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова. E-mail: chernenko.mtu@gmail.com